

УДК Ш40

ББК 82.0

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СУЩНОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКЕ И ГЕРМЕНЕВТИКЕ

The Interpretation of the Essence of Literature in the Critics of Phenomenology and Hermeneutics

Т. М. Кекеева (T. Kekeyeva)¹

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Калмыцкого государственного университета. (Ph.D. of Philology, Associate Professor of the Germanic Philology Department at Kalmyk State University). E-mail: aspirantura@kalmsu.ru.

В статье рассматриваются вопросы интерпретации сущности литературы выдающимися европейскими и американскими учеными на основе концепций феноменологии и герменевтики.

Идеи феноменологии и герменевтики близки в том, что они подчеркивают приоритет данности и событийности акта творчества, в котором писатель должен интуитивно выражать скрытую последовательность духовных традиций истории.

Оценки методов феноменологии и герменевтики помогают глубже проникнуть в специфику словесно-художественного творчества.

Ключевые слова: интерпретация, критика, феноменология, герменевтика, сознание, сущность, анализ.

The article deals with the interpretation of the essence of literature by prominent European and American scientists, who left a rich literary heritage, focusing their research on the concepts of phenomenology and hermeneutics.

Phenomenological critique called for a completely immanent, independent reading of the text, the meaning of which, as they believe, is the very embodiment of the author's mind. Literature is not a lifeless scheme designs and themes, it is a reality, organized and experienced by the subject. Phenomenological critique is interested in the way the author feels the time and space, relations between him and the world, his perception of the material world.

Hermeneutics, on the one hand, has borrowed the idea of phenomenology as a whole, but, on the other hand, promotes to understanding the essence of literature as reading, considered virtually technological ideas about the real possibilities of the computer age of the reader.

Hermeneutics argues specifics of literary texts that only this true artistic level makes reading really meaningful. At the same time the idea of phenomenology and hermeneutics are similar in what they emphasized the priority of the given act of creativity and event, in which the writer must intuitively express the hidden sequence of spiritual traditions, history. Evaluation of methods of phenomenology and hermeneutics helps penetrate deeper into the specifics of verbal art.

Keywords: interpretation, criticism, phenomenology, hermeneutics, consciousness, the essence, the analysis.

Понимание сущности литературы является средоточием острых практических и теоретических проблем при оценке литературного процесса, выработке адекватного отношения к ценности литературного творчества, определения его места и роли в

истории культуры, в формировании системы просвещения, образования, эстетического воспитания.

Для суждения о ценности произведения важно опираться на непротиворечивое представление о сущности литературы, что

и делает исследование ее трактовок актуальным.

В определении различных аспектов понятия литературы в современном литературоведении Запада круг авторов, в том числе классиков, крупнейших философов, литературоведов, основоположников различных школ и течений, представлен именами Р. Барта [1994], Х.-Г. Гадамера [1988], Д. Гартмана [1991], Э. Гуссерля [2002, 2005], Ж. Дерриды [1999], В. Дильтея [2001], Т. Иглтона [1981], В. Изера [1980], Р. Ингардена [1999], Ж.-П. Сартра [1999], С. Фиша [2011], Е. Хирша [1976, 2006], Ф. Шлейермахера [2004], Р. Якобсона [1973] и др.

Среди работ отечественных исследователей, посвященных отдельным аспектам этой темы, выделяются труды М. М. Бахтина [1975], Р. А. Будагова [2000], В. В. Виноградова [1980], И. П. Ильина [2007], А. Н. Николукина [1988] и др.

Исследование интерпретации сущности литературы, затрагивающее как процесс художественного творчества, так и область его теоретического осмысления, дает важнейший материал для воссоздания рождения эстетических ценностей, выявления источников формирования интереса к ним, и причин, побуждающих отдавать предпочтение тем или иным авторам, литературным стилям или сюжетам.

Целью данной работы является освещение понимания сущности литературы феноменологией и герменевтикой.

Изучение данной темы ориентировано не на абстрактно-логическое рассмотрение сущности литературы, а на конкретное исследование взглядов выдающихся европейских и американских ученых, оставивших богатое литературное наследие, фокусирующее поиски определения сущности литературы на основе концепций феноменологии и герменевтики.

Задачи исследования: основываясь на трудах классиков, изучить и проанализировать концепции этих направлений для уяснения сущности теоретических представлений о предмете и специфике литературы, определить взаимовлияние ведущих направлений западного литературоведения для понимания общего и особенного в современном теоретико-литературном процессе, сформулировать выводы.

Основатель феноменологии, немецкий философ-идеалист, математик Эдмунд Гуссерль [Гуссерль 1994, 2002, 2005], стре-

мился превратить философию в «строгую науку» посредством феноменологического метода. Его последователи внедрились феноменологические принципы в этику, социологию, юриспруденцию, психологию, эстетику, литературоведение.

Феноменологическая критика призвала к имманентному, абсолютно ни от чего не зависящему, прочтению текста, смысл которого, как считала она, и есть само воплощение сознания автора. Стилистические особенности творчества феноменология воспринимала лишь как органические части сложного целого, объединяющей сущностью которого является авторское сознание. Типичным для феноменологической критики является интерес к тому, как автор ощущает время и пространство, к связям между ним и окружающими, к его восприятию явлений материального мира.

Феноменология исследовала не только то, что художник воспринял, но и универсальную сущность акта восприятия. Она претендовала на раскрытие сокровенных структур собственно художественного сознания и одновременное выявление сути феноменов. Все, что не принадлежит сознанию, должно быть исключено; реалии должны рассматриваться как «чистые» феномены, единственно достоверные данные, из которых мы можем исходить.

Но «чистые» феномены, рассматриваемые Гуссерлем [Гуссерль 2005: 98], представляют собой нечто большее, чем просто случайные частности. Они являются системой универсальных сущностей творчества, ибо феноменология редуцирует в воображении каждый объект, чтобы выявить инвариантное в нем. Для проникновения в какой-либо феномен полностью и чистейшим образом необходимо постичь то, что инвариантно составляет его сущность.

Идея феноменологической критики состояла в стремлении к упорядочению восприятия художественного опыта посредством выделения феноменологически очевидного, т. е. воспринимаемого как упорядоченное, законченное отражение внешнего события или явления.

Таким образом, ценность и масштабное представление феноменологической критики о сущности литературы состоит в том, что литература представляется ей не безжизненной схемой замыслов и сюжетов, а способностью нашего восприятия, которое не может и не должно быть однозначным.

Герменевтика, в целом воспринявшая представления феноменологии, базируется на идеях ее первооткрывателей, которыми были немецкие мыслители Ф. Д.-Э. Шлейермахер [Шлейермахер 2004] и В. Дильтей [Дильтей 2001]. В качестве основоположника современной герменевтики признан крупнейший немецкий литературовед и эстетик Ханс-Георг Гадамер. Значение литературного произведения, по Гадамеру [Гадамер 1998: 51], не исчерпывается авторской интенцией, и при переходе от одного культурного или исторического контекста к другому возникают новые ассоциации, о которых, возможно, не помышлял ни автор, ни его читатели. Литературу нельзя понять вне этого контекста.

Интерпретация произведений прошлого, по Гадамеру, представляет собой диалог минувшего и настоящего, в котором можно вслушаться в голос автора, обращенный к нашим сегодняшним проблемам. Понимание сущности литературы должно быть продуктивным, необходимо учитывать, что всегда нужно переосмысление, раскрытие в содержании творчества новых потенциалов и изменений. Настоящее доступно пониманию только через прошлое, образуя с ним живое единство. Раскрывая сущность литературы, надо верить истории. Все, что прошло, вернется, ибо в глубинах истории живет, безмолвно охватывая прошлое, настоящее и будущее, объединяющая сущность, именуемая традицией [Гадамер 1998: 125].

Гадамера не заботит то, что наши культурные предубеждения могут исказить восприятие произведений прошлого. Теория Гадамера исходит из гипотезы о существовании только одной, главной традиции — самой истории. Литература прошлого углубляет, а не разрушает наше сознание, поскольку чужое всегда есть втайне знакомое. Говоря о сущности литературы, герменевтика должна рассматривать ее как живой диалог между прошлым, настоящим и будущим, с помощью литературы стремясь терпеливо устранить препятствие этой бесконечной взаимной коммуникации. Трудно смириться с мыслью о несостоятельности преемственности, которую нельзя было бы усилить более тонкой интерпретацией текста, встроенной в коммуникативные структуры целых обществ.

Наряду с тяготением к традиционализму следует отметить и другую его особенность — положение о том, что литературные про-

изведения образуют органическое единство. Метод герменевтики, стремящейся вписать каждый элемент текста в законченное целое, известен как герменевтический круг, т. е. круговая структура понимания, когда индивидуальные черты понятны только в полном контексте, проявляющем их.

Герменевтика получила развитие в теории восприятия, которая, в отличие от теории Гадамера, обращена не только к произведениям прошлого, но и к исследованию роли читателя в литературе. Пришло время реабилитировать читателя, без которого, очевидно, не было бы литературы.

Чтение — это удивительно сложный, большей частью неосознанный труд, но, не замечая этого, мы создаем гипотезы о смысле прочитанного, выискивая подразумеваемые связи, заполняя пробелы, делая заключения. Каким бы цельным произведение ни казалось, для теории восприятия оно всегда состоит из пробелов, неопределенностей, элементов, функция которых зависит от читательской интерпретации. Парадокс состоит в том, что чем больше информации содержит произведение, тем оно неопределеннее.

Большую историчность в подходе проявляет другой представитель теории восприятия — Ханс Роберт Яусс [Яусс 1995:54], который пытается в стиле Гадамера вписать литературное произведение в историческую панораму, в контекст культурных значений, внутри которого оно было создано, и затем исследует взаимоотношения и изменяющиеся горизонты исторически развивающегося читательского мышления. Цель его исследований — создать новый вид истории литературы, где центром является не автор и литературные течения, а литература, как она определяется и интерпретируется в разные моменты исторического восприятия.

Более подробное историческое исследование в области литературного восприятия представляет Жан-Поль Сартр [Сартр 1999], который считает, что каждый литературный текст сориентирован с учетом его потенциальной аудитории, включает образ того, для кого он написан, в каждом произведении заключено то, что называют «подразумеваемый читатель», в нем все указывает на предполагаемого «адресата». Писателю нужна аудитория, сам язык, на котором он пишет, уже подразумевает ту или иную читательскую среду, и в выборе ее автор всегда свободен.

Представляется, что теории восприятия, предложенные Яуссом [Яусс 1995] и Изером [Iser 1980:192], ставят насущную эпистемологическую проблему. Если считать произведение чем-то вроде скелета, набора схем, ожидающих своей различной конкретизации читателями, то невозможно рассматривать их без соответствующей детализации. Говоря о «собственно тексте», соизмеряя его как норму с отдельными интерпретациями, мы, вероятно, имеем дело с чем-либо еще, существующим помимо нашего прочтения.

Американский критик Стэнли Фиш [Fische 1982; 2011] признает, что нет вообще никакого «объективного» произведения. Истинным писателем является читатель, поскольку чтение открывает не значение текста, а процесс переживаний читателя. Объектом внимания критики является структура опыта читателя, а не какая-то объективная структура, находящаяся в самом произведении. Все в тексте — грамматика, значение, формальные единицы — есть продукт интерпретации. Чтобы избежать растворения текста в тысяче соперничающих прочтений, Фиш обращается к стадиям интерпретации, общим для читателей, которые направляют их личные реакции. В самом произведении, утверждает Фиш [Fische 2011: 250], нет ничего, что дает представление о том, что значение имманентно языку текста.

Итак, литература определяется как меняющийся объект, поскольку духовные ценности не имеют прочной опоры в общественном сознании. Тем не менее, в качестве таковых предлагаются и авторская интенция [Hirsch 2006: 45], и «стратегии интерпретации» [Fische 2011: 355]. Существуют на этот счет и официальные мнения, пытающиеся в значительной степени определять, какие прочтения произведений допустимы или совершенно очевидны. Между издателями, редакторами, обозревателями, представителями академической науки идет борьба идей, и борьба не просто между тем или иным прочтением творчества конкретного автора, а вокруг категорий, условностей, стратегий самой интерпретации.

Таким образом, стилистические особенности творчества феноменологическая критика воспринимала как органические части сложного целого, объединяющей сутью которого является авторское сознание. Усваивая повторяющиеся темы и образы, мы узнаем то, как автор воспринимал

мир, свои взаимоотношения между ним как субъектом и действительностью как объектом.

Авторы рассмотренных в работе концепций фактически сходятся в том, что в процессе развития литературы количество жанров, методов, направлений увеличивается быстро и проследить все реальные возможности использования приемов литературности и смещения стилей в разных целях, разными писателями в разных направлениях представляется невозможным.

Герменевтика аргументирует специфику «литературности» текста тем, что только его истинно художественный уровень делает процесс чтения действительно осмысленным.

В то же время идеи феноменологии и герменевтики, подчеркивавшие приоритет данности и событийности акта творчества, в котором писатель должен интуитивно выражать скрытую последовательность духовных традиций истории, близки. Оценки методов феноменологии и герменевтики помогают глубже проникнуть в специфику словесно-художественного творчества.

Проведенное исследование показывает, что проблема понимания сущности литературы требует дальнейшего изучения, которое может способствовать совершенствованию восприятия и интерпретации литературного произведения.

Литература

- Барт Р. От науки к литературе // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 375–383.
- Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
- Будагов Р. А. Слово и его значение. М.: Добросвет-2000, 2003. 64 с.
- Виноградов В. В. О языке художественной прозы // Избранные труды. М.: Наука, 1980. Т. 5. 361 с.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Пер. с нем / общ. ред. и вступ. ст. Бессонова Б. Н. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Гуссерль Э. Избранные работы. Сост. В. А. Куренной. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2005. 464 с.
- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. В. И. Молчанова. М.: Логос, 2002. № 1. С. 132—143.

- Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 258 с.
- Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. Пер. с фр. С. Г. Кашиной и Н. В. Сулова; Серия *Gallicinium*. СПб.: Алетея, 1999. 208 с.
- Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 4: Герменевтика и теория литературы. Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Пер. с нем. В. В. Бибикина. М.: Дом интеллект. кн., 2001. 531 с.
- Ильин И. П. Постмодернизм: Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения). INTRADA, 2007. 374 с.
- Николюкин А. Н. Как работает поэт: статьи, интервью. Сборник. Пер. с англ. / сост. и послесловие А. Николюкина. М.: Радуга, 1988. 544 с.
- Сартр Ж.-П. Что такое литература? Слова. Пер. с фр. М. В. Драко. Мн.: ООО "Попурри", 1999. 448 с.
- Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения// Новое литературное обозрение. М., 1995. № 12. С. 34–84.
- Шлейермахер Ф. Герменевтика. Пер. А. Вольский. СПб.: «Европ. Дом», 2004. 241 с.
- Eagleton T. Walter Benjamin or Towards a Revolutionary Criticism. London, 1981. 296 p.
- Hartman G. H. Minor Prophecies: The Literary Essay in the Culture Wars. London: Harvard University Press, 1991. 264 p.
- Hirsch E. D. The Knowledge Deficit. Hardcover, 2006. 192 p.
- Hirsch E. D. Validity in Interpretation. Yale University Press. 1976. 302 p.
- Ingarden R. Phenomenological Aesthetics: An Attempt at Defining its Range // Journal of Aesthetics and Art Criticism. Pooler, Georgia, 1999. P. 257–269.
- Iser W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response by Wolfgang Iser. Ingle Crosman. London: Duke University Press, 1980. P. 192–195.
- Jacobson R. Selected Writings. The Hague: Mouton, 1973. P. 551–53.
- Fische S. How to Write a Sentence: And How to Read One. New York: Harper Collins Publishers, 2011. 181 p.

References

- Bakhtin M. M. [Questions of Literature and Aesthetics: Studies of Various Years]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1975. 504 p. (In Russ.)
- Barthes R. From science to literature. In: [Selected Works: Semiotics, Poetics]. Moscow: Progress, 1994. Pp. 375–383. (In Russ.)
- Budagov R. A. [Word and Its Meaning]. Moscow: Dobrosvet-2000, 2003. 64 p. (In Russ.)
- Derrida J. Speech and Phenomena and Other Essays on Husserl's Theory of Signs. S. G. Kashina and N. V. Suslov (transl.); Ser. 'Gallicinium'. St. Petersburg: Aleiteya, 1999. 208 p. (In Russ.)
- Dilthey W. [Collected Works]. In v 6 vols. Vol. 4: 'Hermeneutics and Theory of Literature'. A. V. Mikhaylov and N. S. Plotnikov (eds.). V. V. Bibikhin (transl.). Moscow: Dom Intellektualnoi Knigi, 2001. 531 p. (In Russ.)
- Eagleton T. Walter Benjamin or Towards a Revolutionary Criticism. London, 1981. 296 p. (In Eng.)
- Fish S. How to Write a Sentence: And How to Read One. New York: Harper Collins Publishers, 2011. 181 p. (In Eng.)
- Gadamer H.-G. Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics. B. Bessonov (transl., ed., foreword). Moscow: Progress, 1988. 704 p. (In Russ.)
- Hartman G. H. Minor Prophecies: The Literary Essay in the Culture Wars. London: Harvard University Press, 1991. 264 p. (In Eng.)
- Hirsch E. D. The Knowledge Deficit. Boston, 2006. 192 p. (In Eng.)
- Hirsch E. D. Validity in Interpretation. Yale University Press. 1976. 302 p. (In Eng.)
- Husserl E. [Selected Works]. V. A. Kurennoy (comp.). Moscow: Territoriya Budushchego, 2005. 464 p. (In Russ.)
- Husserl E. Philosophy as Rigorous Science. Novocherkassk: Saguna, 1994. 258 p. (In Russ.)
- Husserl E. The Crisis of European Sciences and Transcendental Philosophy. V. I. Molchanov (transl.). Logos. 2002. No. 1. Pp. 132–143. (In Russ.)
- Ilyin I. P. [Postmodernism: Terminological Dictionary]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences (RAS), INTRADA, 2007. 374 p. (In Russ.)
- Ingarden R. Phenomenological aesthetics: an attempt at defining its range. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1975. Vol. 33. No. 3. Pp. 257–269. (In Eng.)
- Iser W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1980. 252 p. (In Eng.)
- Jacobson R. Musicology and linguistics. In: Selected Writings. Vol. 2. The Hague: Mouton, 1973. Pp. 551–553. (In Germ.)
- Jauss H. R. Literary history as a challenge to literary theory. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1995. No. 12. Pp. 34–84. (In Russ.)
- Nikolyukin A. N. [Poet at Work: Articles, Interviews]. A. Nikolyukin (transl., comp., etc.). Moscow: Raduga, 1988. 544 p. (In Russ.)
- Sartre J.-P. What Is Literature? The Words. M. V. Drako (transl.). Minsk: Popurri, 1999. 448 p. (In Russ.)
- Shleyermakher F. Hermenevtika. Per. A. Vol'skiy. SPb.: «Evrop. Dom», 2004. 241 s.
- Vinogradov V. V. On the language of fictional prose. In: [Selected Works]. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 5. 361 p. (In Russ.)